

но» власти (как «белой», так и «красной»), которая устанавливалась на той или иной территории. Причём было не «двоевластие», а нечто похожее скорее на «когнитивный диссонанс», возникающий при столкновении в сознании взаимоисключающих идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций. Видимо, в этом и заключалась суть «религиозного противостояния», если таковое вообще наблюдалось. Во всяком случае, адекватно оценить (тем более — признать) логику «нового мира», которую навязывали большевики, в условиях Гражданской войны было в принципе невозможно. Их откровенное богоборчество отталкивало миллионы верующих, говоривших с ними на разных языках и не желавших отказываться от своих религиозных идеалов.

Безусловно, авторы монографии прекрасно осознают, что их труд — лишь начало исследования того, как коллизии Гражданской войны воспринимались верующими людьми. Причём осмысление данной темы требует знания не только «фактологии», но и «философии истории». Постепенно единственно возможным способом существования религиоз-

ных институтов в Советской России стал конформизм, окончательно утвердившийся после издания печально знаменитой «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) в июле 1927 г. Впрочем, как справедливо указывают авторы, «и лояльность по отношению к власти не гарантировала... сохранения жизни и свободы ни в 1920-е годы, ни в эпоху Большого террора» (с. 538).

Вместе с тем профессионально и ярко написанная книга станет ценным пособием для всех, кто интересуется трагедией Русской смуты начала XX в. и пытается постичь причины победы большевиков в Гражданской войне.

Примечания

¹ Булдаков В.П. Историческая память и ремесло историка России // Долг и судьба историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова. М., 2008. С. 43.

² Следует только уточнить, что если православие — это одно из направлений в христианстве, то ислам — мировая монотеистическая религия, о «конфессиональном оформлении» которой говорить затруднительно. Правильнее было бы сказать о Православной Российской Церкви и мусульманской умме в России.

Даниил Коцюбинский

Почему вера проиграла идеологии?*

Daniil Kotsyubinsky

(European University at Saint Petersburg, Russia)

Why did faith lose to ideology?

DOI: 10.31857/S2949124X24040274, EDN: FDONSR

Коллективную монографию известных российских историков Ю.А. Бирюковой, В.В. Калиновско-

го, В.Н. Кальниченко, И.В. Петрова, А.С. Пученкова, Н.Н. Смирнова и А.В. Сушко с полным основанием

* Религиозный фактор в годы гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / Под ред. А.С. Пученкова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2024. 572 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369-П «Процессы легитимации насилия: Культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны».

можно назвать прорывом в освещении судеб представителей разных вероисповеданий в событиях 1917–1922 гг. Хотя в последние десятилетия, как отмечено во Введении, «отечественная историография изучения истории Гражданской войны в России переживает подлинный ренессанс», однако «до сих пор не появилось концептуальных трудов, всесторонне позволяющих оценить роль религиозного фактора в Гражданской войне» (с. 9, 11).

Впрочем, делая важный шаг к заполнению указанной лакуны, авторы не пытались «закрыть тему» или хотя бы охватить её во всей полноте. Так, в книге не говорится о том, что собой представляла «религиозная политика советской власти в целом», поскольку ключевые её аспекты «достаточно подробно рассмотрены в исследованиях отечественных и зарубежных историков». При этом читатель найдёт многочисленные упоминания о «её реализации на местах» (с. 22–23, 25), о чём известно гораздо меньше. Особый интерес авторов к окраинам (с. 51–60) обусловлен прежде всего тем, что именно там религиозная жизнь в условиях «русской смуты» протекала — и порой сравнительно долго — вне зависимости от директивно-репрессивной власти Совнаркома. Правда, территории, находившиеся в 2021 г. («на момент начала работы») за пределами Российской Федерации, учёным пришлось обойти стороной из-за очевидных затруднений, ограничивающих доступ к местным архивам (с. 25). Кроме того, в монографии «нет главы, посвящённой адептам западного христианства» (с. 25), не раскрыты в ней и проблемы, с которыми сталкивались мусульмане в Поволжье (с. 25), а также малые религиозные группы, «кого принято было раньше именовать “сектами”» (с. 23). Основное внимание авторы уделяют

конфессиональной политике антибольшевистских властей и их взаимоотношениям с православным духовенством (этому целиком посвящены 7 из 13 глав и значительная часть той, в которой изложены события в Крыму). Положение мусульман Северного Кавказа, буддистов, иудеев и староверов описано более сжато.

Тем не менее в книге охвачены ключевые регионы, находившиеся в различные периоды Гражданской войны под контролем небольшевистских сил — Север, Северо-запад, Юг, Крым, Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток, и прослеживаются, хотя и с разной степенью полноты, испытания, выпавшие на долю основных конфессиональных и этнокультурных сообществ, проживавших на этом пространстве. Бесспорным достоинством монографии является её богатейшая источниковая база. Авторы тщательно изучили материалы архивохранилищ Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Симферополя, Ростова-на-Дону, Краснодар, Ставрополя, Нальчика, Омска, Читы, Хабаровска, Иркутска, Новосибирска, Владивостока и некоторых других городов.

При написании разделов авторы иногда придерживались проблемно-хронологического принципа, в других случаях составляли главы из небольших очерков, в которых рассказывали об отдельных городах, епархиях и даже персонах, поскольку «жизненные неурядицы каждого конкретного священнослужителя являются олицетворением судьбы всего старого мира в миниатюре, а шире — фотографии большой общей беды, постигшей Россию в великом и беспощадном XX в.» (с. 536).

Весьма характерна имплицитная полемичность некоторых оценок, встречающихся в различных разделах монографии. Так, авторы главы «По-

литические режимы и Русская православная церковь в Сибири» (с. 291–371) Пученков и Сушко пишут о том, что «коммунистическое государство практиковало *точечное* (здесь и далее курсив мой. — Д.К.) уничтожение своих врагов в рясах», причём «расправа над священнослужителями проводилась *не из-за их религиозной деятельности, а именно из-за их участия в политической борьбе* на стороне противников советской власти» (с. 371). В следующей же главе «Православная церковь на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны» Петров, касаясь, помимо прочего, и сибирских реалий, подробно сообщает о массовых репрессиях против представителей православного духовенства, державшихся в стороне от политики (с. 380–384).

Порою оценки приобретают условно «просоветский» или, наоборот, «антисоветский» оттенок. Так, Пученков и Сушко используют выражения «поповские мятежи» и «поповские восстания» — как правило, в кавычках, но иногда и без них (с. 324), и возражают тем историкам, которые называют подобную терминологию «большевистским штампом». По мнению Пученкова и Сушко, «дефиниция “поповский мятеж” вполне точно отражает суть происходившего. События в Омске и Томске — яркий показатель того, что в Сибири Русская православная церковь стала одним из столпов антибольшевистского движения» (с. 316). Но в других разделах книги чувствуется авторская симпатия к священникам и антибольшевистским силам. Тому же Петрову «*отрадно*, что на территории Забайкальской епархии редкостью был массовый характер антицерковной деятельности именно среди бывших прихожан» (с. 430–431). В другой раз он признаёт, что, «*к сожалению*, добиться большего архиепископу не удалось» (с. 109). Затем констатирует, что «в условиях адми-

нистративного кризиса самой церкви это было непростой задачей и, *к сожалению...* не способствовало выходу из него» (с. 173); 8 июня 1918 г., по его словам, появилось «*долгожданное* воззвание Комуча» (с. 271), и т.д.

Явные методологические и эмоциональные расхождения в главах, безусловно, подталкивают читателя к самостоятельному осмыслению щедро насыщенного фактами текста. Во введении об этом сказано прямо: «Получившаяся работа — результат труда коллектива авторов: каждый из них сыграл важную роль в подготовке книги; в спорах, иногда довольно ожесточённых, но всегда служивших общему делу, рождалась сначала концепция будущего исследования, а затем и сама монография» (с. 23). Уже поэтому «данное издание стоит считать не только первой попыткой концептуально осветить роль религиозного фактора в событиях Гражданской войны, но и *приглашением к дискуссии* для всех, кто интересуется как историей “русской смуты”, так и церковной историей в целом» (с. 25). Не случайно в Заключении отмечено, что «очерковая форма сама по себе является чрезвычайно уязвимым жанром — по сути, она выражает лишь взгляд автора (авторов) на наиболее интересные и важные — с их и только их точки зрения — сюжеты». Правда, «собранные авторами материалы и не предполагают однозначного мнения по тому или иному вопросу» (с. 535–536).

Соответственно и Заключение завершается заведомо дискуссионным выводом: «Военное поражение антибольшевистских сил привело к поистине катастрофическим последствиям для судеб российского православия: духовенство, немалая часть которого *нерасчётливо* сыграла на стороне белых в период Гражданской войны, на многие десятилетия оказалось в роли заложников в руках советской вла-

сти» (с. 538). Данное высказывание, по сути возлагающее ответственность за антицерковные репрессии советской власти на политически «нерасчётливых» священнослужителей, очевидно противоречит рассуждениям на предыдущей странице о том, что репрессии против пастырей и паствы «делали неизбежным переход наиболее активных их представителей к тем или иным формам сопротивления большевикам» (с. 537). Кроме того, характеристика выступления Церкви на стороне белых как «нерасчётливого» плохо согласуется с критикой во Введении (с. 51) позиции патриарха Тихона (Беллавина), уклонившегося от «безусловной поддержки Белого движения» и не сумевшего стать «общенациональной силой».

И всё же противоречивые выводы, подкрепляемые «разбросанными» по тексту яркими и точными наблюдениями авторов, позволяют глубже осмыслить не только значение религиозного фактора в годы Гражданской войны, но и её фатум, поскольку в очередной раз указывают на обстоятельства, предопределившие победу большевиков и поражение их противников.

Как известно, «антибольшевистские силы» состояли из разных, нередко враждебных друг другу элементов и не имели единой идейно-политической программы. Лишь лозунг «непредрешения» обеспечивал их зыбкий консенсус, но этот лозунг не мог ни зажечь, ни увлечь даже тех, кто его декларировал.

Следствием внутренней разобщённости была организационная рыхлость, которая, в свою очередь, порождала конфликты даже в белогвардейском «ядре». Едва ли не наиболее крупным из них на Юге России стало противостояние А.И. Деникина и войсковых правительств Дона, Кубани и Терека, которое проявилось и на Юго-Восточном русском цер-

ковном соборе. При этом священноначалие отнюдь не осталось «над политической схваткой», но решительно поддержало Главнокомандующего (с. 149–150). В итоге, хотя на Кубани в «каждой станице, в каждом селении и хуторе в течение всех лет Гражданской войны храмы были полны молящимися» (с. 170), между местными иерархами и казаками-автономистами возникло заметное отчуждение.

По тем же причинам лидеры Белого движения не смогли использовать в своих интересах областнические настроения, широко распространённые в Сибири и ставшие первоначальной основой для формирования там антибольшевистских правительств (с. 334). Призывы А.В. Колчака не соответствовали настроениям значительной части сибиряков, не исключая и местных клириков. К примеру, «6 августа 1919 г. отец Геннадий был приглашён отслужить молебен и выступить с напутственным словом перед мобилизованными в белую армию казаками. Эта миссия не соответствовала политическим взглядам батюшки, который... произнёс следующую речь: “Братцы! Я как священник не могу вас напутствовать, чтобы пошли проливать кровь своих братьев. Нам не нужна Россия. Будем жить в Сибири. Там борются из-за помещичьих земель, из-за буржуев. В Сибири их нет. Берегите, братья, свою кровь» (с. 353).

Неудивительно, что «отсутствие реального лозунга дня и прежде всего определения конечной цели движения закономерно ослабляли позиции и военного командования белых, и создаваемых ими органов гражданского управления на подконтрольных территориях. Население было насыщено о том, что большевики ставили задачу построения “нашего, нового мира” в противовес лидерам Белого движения, подобных целей не имевшим» (с. 536).

По сути, противники красных предлагали исключительно «возрождение» того, что уже однажды рухнуло и совсем не привлекало социальные «низы», не поддерживавшие ни вступившую в мировую войну «Великую Россию», ни февральскую «демократию», ни продолжение вооружённой борьбы против Германии (до ноября 1918 г.), ни частную собственность на землю, ни Учредительное собрание. Митрополит Вениамин (Федченков), являвшийся в 1919 г. епископом Севастопольским, констатировал в мемуарах, что «не религия двигала белых», которые в своей борьбе воодушевлялись «великой Россией, национализмом, собственностью», ненавистью к большевикам (с. 215). Православная Церковь также не звала в «светлое завтра», а выступала скорее символом возвращения к прошлому. И это отдаляло её служителей от народных масс, которые прекрасно понимали, что «возрождение России» подразумевает и восстановление прежнего уклада общественной жизни (с. 210).

Сказывалась и враждебность крестьян к духовенству, выражавшаяся, в частности, в захватах приходского и монастырского имущества — пашен, пасек, лесов и т.п., — которые начались ещё до издания большевистского Декрета о земле, по сути легализовавшего конфискацию сельскими обществами (формально — волостными земельными комитетами и уездными советами крестьянских депутатов) не только помещичьих, но и церковных земель (с. 120–122, 238–243, 262–263). Как полагает Бирюкова, «в условиях крушения прежнего порядка, с которым церковь в общественном сознании прочно связывалась, она неминуемо была обречена на столкновение с веками сидевшей в народе обидой на её богатство и близость к власти» (с. 244). По словам Петрова, в период Гражданской войны «сельское насе-

ление стало опаснее для церкви, чем городское» (с. 384). В монографии приведено множество фактов, подтверждающих данное утверждение.

Рабочим, крестьянам, солдатам и матросам импонировали не реставрационные замыслы, а советские декреты о земле и о мире, а также перспектива экспроприации «награбленного» и легализации ненависти и насилия по отношению к «помещикам, буржуазии и попам».

К тому же антибольшевистские правительства дискредитировала зависимость от помощи со стороны Германии или Антанты (с. 351). Без иностранного вмешательства им не удалось бы структурироваться и на какое-то время установить свою власть на Севере и Северо-западе России, в Крыму, Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Лишь на Юге Белое движение, пусть и не сразу, получило массовую поддержку казачества. Однако и там содействие европейских держав оставалось для русских генералов жизненно важным. Со своей стороны, церковные деятели считали такое сотрудничество «меньшим злом» или же вовсе безоговорочно одобряли (с. 328).

Представителей нерусских народов, для которых религия зачастую являлась базовым «признаком этничности» (с. 229), конечно, настораживала атеистическая пропаганда большевиков. Но в конце концов значительная часть «националов» поддержала советскую власть, так как белые правительства несли с собой русский державный национализм и заявляли о приоритете православия перед другими вероисповеданиями (с. 307–309). Сами же служители Церкви, опираясь на решения Поместного собора 1917–1918 гг., стремились одновременно обрести независимость от государственной власти и сохранить казённое финансирование, по-преж-

нему рассчитывая на особое отношение администрации к своим нуждам. Связанные с этим коллизии многократно возникали на территориях, контролировавшихся антибольшевистскими силами (с. 307).

Подробно излагая все эти обстоятельства, авторский коллектив во многом именно благодаря очерковой многовекторности своего исследования создал прочную основу для дальнейших изысканий и дискуссий, существенно расширив их диапазон. Разумеется, в тексте встречаются и незначительные упущения. Так, во

Введении неточно приведено название Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (с. 20). РКП(б) «по старинке» именуется РСДРП(б), хотя говорится о событиях августа 1918 г. (с. 68). Священник В.И. Немерцалов, принадлежавший в IV Думе к фракции «прогрессивных националистов», ошибочно зачислен в «ряды прогрессистов» (с. 285). Но эти изъяны легко исправить, если не только главы, написанные Ю.А. Бирюковой (с. 23), но и все остальные разделы книги будут со временем трансформированы в отдельные монографии.

Игорь Богомолов

Рабочее движение и революционная социал-демократия на окраинах позднеимперской России*

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The Labor movement and Revolutionary Social Democracy in the borderlands of late Imperial Russia

DOI: 10.31857/S2949124X24040285, EDN: FDJQKP

Эрик Блан — профессор Ратгерского университета (США), исследователь рабочих организаций, трудового активизма, забастовок и политической активности рабочего класса. Хотя значительная часть его вышедших и готовящихся трудов повествует о современном рабочем движении, в 2021 г. Блан выпустил полноценное исследование о революционной социал-демократии в позднеимперской России. Во введении автор отмечает, что многолетние исторические и социологические исследования российской революции «имели общий недостаток: они рассматривали только

центральную Россию, а не империю в целом. Русская революция была гораздо менее русской, чем часто предполагалось»¹. Поскольку «нерусские» социалистические партии были «проигнорированы или маргинализированы... представления о революционной России остаются в лучшем случае односторонними, а в худшем — вводящими в заблуждение» (р. 1).

Истоки этого «однобокого» представления о социалистическом движении в царской России Блан усматривает в особенностях развития историографии после окончания холодной войны. В 1990-х гг. возрос-

* *Blanc E. Revolutionary social democracy: Working-class politics across the Russian Empire (1882–1917). Leiden: Brill, 2021. 455 p.*